Лучше быть тварью, чем рабом

Автор:
Вячеслав Прах

Лучше быть тварью, чем рабом

Вячеслав Прах

В комнате собрались четверо. Старик, расследующий убийство молодой женщины, и трое подозреваемых: муж убитой, ее любовник и лучшая подруга жертвы. Старик делает неожиданное заявление: «Я знаю, кто убийца…»

Новый психологический триллер от лауреата премии «Русский детектив» погружает нас в глубины неосознаваемого и проводит по жестким, ломаным линиям человеческого разума и сердца. Есть ли путь к свободе от оков собственной души, раз за разом заставляющей нас переживать боль? И если есть, то почему иногда он бывает настолько страшен?

Вячеслав Прах

Лучше быть тварью, чем рабом

Порно как искусство.

Жизнь как грязь.

Посвящаю девушке, которую я поцеловал у маяка

Санкт-Петербург, 15 августа 2021 года

Я пригласил тебя читать мне Хенли у Финского залива, а сам читал тебе свою рукопись, которую привез с собой. Не самая романтичная моя книга. Я пишу порой неромантичные книги. Благодарю за пережитое рядом с тобой.

© Прах В., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Вакула сидел в кафе и смотрел в окно. Кафе было небольшое, всего на восемь столиков, но почти всегда в обеденное время были свободные столики. Он зашел сюда, чтобы пообедать. Не сказать, что он был голодным, но заставлял себя есть. Он заставлял себя делать многое через силу и пинками гнал самого себя вперед, когда было страшно идти навстречу чему-то, – так он бросал вызов себе, так он боролся и порой побеждал.

Если бы его спросили, как ему здесь, как еда, как обслуживание, как атмосфера, он бы машинально ответил: «Хорошо, все очень хорошо, благодарю», – по-прежнему погруженный в свои мысли.

Вакула анализировал. Он многое анализировал после похорон жены. Смерть заставляет заботиться о мрачных мелочах, горестные обязанности не спрашивают у человека, может ли он подняться с кровати.

В странном состоянии пребывал этот молодой мужчина, сидевший у окна, потому что в окно смотреть было интереснее и приятнее, чем на других посетителей кафе. Его одновременно интересовало многое, случившееся или не случившееся с ним, и в то же время не интересовало ничего, ему нужно было думать, анализировать, так он мог отвлекаться и находить ответы на свои вопросы. Например, он вспоминал, как познакомился со своей женой: как поцеловал ее в губы, будто случайно, а хотел лишь обнять – он боялся целовать ее в губы и после того, как она ответила ему взаимностью. Он чувствовал себя самым счастливым человеком: останавливал ее на улице и целовал, стоял в

очереди, покупая билеты в театр, а потом внезапно поворачивался к ней и снова целовал, чтобы все видели, чтобы все знали, что она – его женщина. Он гордился собой, тем, что смог заполучить такую красивую, шикарную даму. Держа ее за руку, он порой чувствовал себя самым сильным, самым особенным и невероятно очаровательным мужчиной.

Он задумался, в какой именно момент все это исчезло и самый особенный мужчина почувствовал себя ничтожеством.

Вакула понял, что давно перестал мечтать. Раньше он работал, много работал, ставя перед собой цели, ему нравилось мечтать и воплощать свои мечты в реальность. Мечты без действия не приводили ни к чему, кроме предательства желаемого и потери на какое-то время веры в себя и свои силы, он в этом убедился еще в подростковом возрасте. Мечтать и действовать – это путь победителей. После того, как он осуществил свою маленькую детскую мечту – работать на себя и создать свое дело, которое будет кормить, после того, как купил квартиру и отдал человеку, у которого занимал деньги (все, что был должен), он начал мечтать о доме у моря. С большим участком земли, чтобы вились виноградные плети, чтобы можно было сидеть в тени под деревом и смотреть на море, дышать морским воздухом, поднимать с земли спелые побитые яблоки и наслаждаться моментом. Но потом перестал думать об этом и с тех пор не достиг никаких значительных успехов в работе, словно мечты уже не подталкивали его вперед. «В какой момент я перестал мечтать о доме? Я давно по-настоящему ни о чем не мечтал».

«Может, позвонить матери Доры и поговорить с ней? Она не пришла на похороны и много плакала, когда мы впервые встретились после случившегося. Нет, не нужно ее беспокоить. Что я скажу? Я предал ее. Чем я помогу? Разве я в силах вернуть ее дочь или вернуть себя? Лгать ей, что все будет хорошо и время залечит все ее раны? Сколько раз я это слышал за последнее время, неужели это и вправду кому-то помогает? Помоги оплатить землю, в которой она будет лежать, священнику – его труд, копателям и гробовщикам – их труд, забери меня из меня и запихни себя в меня всего на семь с половиной часов, мне этого будет достаточно. И я одну ночь нормально посплю, лягу в одиннадцать часов, проснусь по будильнику в шесть тридцать, а «соболезную» – это просто слова и не более того. «Я тебе соболезную» равно «я тебе ничем не могу помочь, но я хочу, чтобы ты знал, что ты не одинок в своем горе».

– Неправда, я одинок в своем горе.

Вакула увидел за окном беременную женщину. В тот день у него поднялась температура, с утра было тридцать восемь и пять. Он посмотрел на эту женщину и вспомнил, что раньше, когда глядел на беременных, то представлял себе, как они занимаются сексом со своими мужчинами. А если видел идущего рядом мужчину, то даже мог представить все в самых мелких деталях. О том же он размышлял, когда видел женщину, гуляющую с ребенком или везущую коляску, с одним малышом или с несколькими. Он всегда воображал, как эти женщины занимаются любовью, а их мужчины кончают в них. Многие говорили: «Вот идет мамочка, какое это волшебство – быть мамой, будто Бог прикоснулся к женщине». Вакула никогда не думал так, он всегда представлял себе, как мужчина прикасался к женщине, а не Бог. Как мужчина упивался женщиной, как наслаждался процессом – запахом, телом – и оставлял в ней свое семя. Вот такую картину видел перед собой Вакула раньше изо дня в день. В какой-то момент он перестал видеть и это – просто беременная женщина, много беременных женщин, и на этом все. Мужчина задумался, почему сам никогда не говорил своей жене: «Я хочу от тебя ребенка. Роди мне!» Сначала, когда об этом заходила речь, он твердил, что нужно заработать прилично денег, обеспечить себя настолько, чтобы ребенок ни в чем не нуждался, а для этого нужно много работать. Потом они вообще перестали поднимать эту тему, и, казалось, всех все устраивает, но Вакула знал лишь про себя.

«Что мне делать сейчас? Куда идти и как жить дальше?» – эти вопросы не давали покоя мужчине, но больше всего он размышлял о том, как ему вернуть самого себя, если это возможно. Чуть позже он начал задаваться другим вопросом: «Как мне жить с самим собой настоящим и почему призраков не существует, ведь они могли бы все рассказать?»

Поднимаясь по ступенькам на свой этаж, мужчина помог пожилой соседке донести пакет с продуктами до ее квартиры. Он делал это машинально, не особо задумываясь, почему так поступает. Наверное, так его воспитали, хотя он даже не помнил, чтобы ему об этом кто-то говорил. Многие моменты из детства он не помнил, а некоторые пытался забыть.

Старушка поблагодарила и принесла запоздалые соболезнования молодому человеку – весь дом уже знал о том, что случилось, хотя Дора жила в другом районе. «Спасибо, я пойду», – тихо сказал Вакула и ушел.

Интересно, что в какой-то момент он перестал помогать старушкам с сумками – когда одна чуть было не набросилась на него с палкой в руках. В тот раз он подошел к пожилой женщине, сказал негромко: «Я помогу», – взял сумку и как ни в чем не бывало пошел вперед быстрым шагом. Тогда старушка, которая была немного глуховата, чуть не отлупила его своей палкой, крича на всю улицу: «Это вор, держите его». Хотела вызвать полицию. Вакула объяснил, что пытался помочь, просто помочь и отправиться дальше, а вовсе не обворовать ее.

* * *

Рувим целовал новую женщину. Он купил шампанского, коробку сладостей и наслаждался молодой темноволосой особой, сидящей на подоконнике его спальни. Она ему игриво улыбалась, пила шампанское и кушала конфетку. Подоконник был достаточно широким, чтобы на нем поместилась попка очаровательной малышки.

Они познакомились в клубе, девушка была не против, чтобы общительный весельчак Рувим, казавшийся с виду грубияном-великаном, украл ее из этого шумного места и отвез к себе домой. Мужчина положил любовницу на кровать, целуя ее губы. Он не забыл Дору, ему просто нужно было жить и наслаждаться жизнью дальше. В первые дни после трагедии он много разговаривал сам с собой, много думал о том, что было. Так как он являлся частью (пусть и небольшой) жизни Доры, его допрашивали, как и всех остальных.

Рувим подумал, что с ним такое случилось впервые – чтобы его любовницу убили, и не просто убили, а сделали это за семь тысяч американских долларов. Ему трудно было осознать, что Дора не прибежит к нему больше, когда на душе будет паршиво. Он переключился на жизнь: нужно было оплачивать аренду квартиры, а денег, как всегда, не хватало; нужно было заливать полный бак бензина, платить за коммунальные услуги, покупать еду, поить свою новую любовницу и угощать ее шоколадом, приобретать новую одежду. Рувим направил свою энергию на мысли о дополнительном заработке. Связи у него были, но требовалось работать, а этого мужчина не любил.

Что Рувим любил, так это коллекционировать женщин и рассказывать о том, сколько у него их было. Брать девушек, трахаться с ними, ублажать их, чтобы им все понравилось и чтобы они запомнили его как одного из лучших любовников – ему всегда хотелось быть самым лучшим. И он старался их удовлетворить. Он

уверял, что у него было около пятидесяти женщин, и гордился этим, победы на любовном фронте придавали ему авторитета среди знакомых. Он восхищался самим собой за то, что смог взять так много женщин, и стремился к тысяче. Женитьба его не интересовала совсем, он уже был женат.

Справедливо будет заметить, что встречались женщины, которые оставляли в его памяти яркий след, с которыми хотелось повторять опьяняющие мгновения снова и снова. Они были совсем непонятными ему, закрытыми книгами, которые он не мог открыть, как ни пытался. Загадочными, проницательными… У них всегда имелось свое мнение, и если смотреть правде в глаза, то он даже находил в них что-то опасное для себя. Дора была одной из них. Самым ярким воспоминанием из всего моря влюбленностей, обнаженных тел, порочных ароматных губ. Эта женщина была личностью – вспыльчивой, непредсказуемой, самовлюбленной и немного даже пугающей.

Рувиму не составило труда оставить Дору прекрасным воспоминанием своей жизни и жить дальше, будто она уехала навсегда в другую страну без обещания вернуться.

Высокий, видный мужчина… Он хотел приобрести вторую машину, заработать много денег и купить, наконец, свою квартиру, а не платить кому-то, пополняя чужой карман, то есть – выбрасывая на ветер. Время от времени он покупал лотерейные билеты, делал ставки на футбольные команды по совету друзей или по наитию – иногда выигрывал, чаще всего проигрывал и обвинял команду-лузера, затем – проклятые «конторы по высасыванию денег у людей» и всех, кто попадал ему в этот момент под руку. Порой напивался и звонил нескольким любовницам, чтобы понять, какая из них сейчас свободна, полна желания и сможет запросто приехать и провести ночь вместе с ним.

* * *

Вакула потратил приличную сумму на похороны из тех денег, которые откладывал на черный день. Бывало, когда он шел за продуктами, ему казалось, что за ним наблюдают, что некоторые люди заходят вслед за ним в магазин лишь для того, чтобы не упускать его из виду. Отвратительное чувство – видеть спиной, чувствовать спиной. «Паранойя, это просто паранойя. Тебе не дает покоя подозрительность Старика. Это его работа – подозревать всех и задавать неудобные вопросы. Многие мужья убивают своих жен, а он уже пожилой

человек и на своем веку мог повидать всякого. У тебя не такой богатый опыт, не принимай все на свой счет, просто живи своей жизнью. Ты никому не нужен, вернись в реальность, осмотрись по сторонам – у всех покупателей своя жизнь: дети, которых нужно кормить, обувать, одевать, возить в школу, жены, мужья, любовницы, которых хочется трахать, любовники, с которыми хочется трахаться. У каждого из присутствующих своя история, и твоя трагедия никому из них не интересна хотя бы потому, что о ней никто не знает. У тебя на лице не написано, что ты – бывший муж Доры, которую убили и ограбили, которую ты похоронил вчера. Не вчера… Прошли дни, вчера у меня была температура, и я лежал почти сутки. Впервые за это время пытался почитать книгу. Я молчу, я спокойно иду своей дорогой и никого не трогаю».

* * *

«Старик вызывал меня на допрос. Почему меня? – размышлял Рувим. – Я знаю Дору меньше остальных, она всего лишь была моей любовницей – почему так много вопросов к любовнику? Почему он спросил, какого цвета у нее глаза? Зачем спрашивать, что я ем на ужин и хватает ли мне денег, чтобы обеспечить себя? Мне не понравилось и то, что он слишком настырно интересовался, сколько лет моей дочери и была ли Дора беременна от меня. Какое ему дело до моей личной жизни? Такое ощущение, будто в душе поковырялись палкой, которой перед этим мешали дерьмо в общественном сортире».

* * *

Рогнеда гладила соседского рыжего кота, сидевшего у нее на руках. Он любил Рогнеду, а Рогнеда любила котов. Если бы у нее была такая возможность, девушка собрала бы всех бродячих кошек в самом огромном в мире приюте, который создала бы своими руками. Там о них бы заботились, кормили, в этом месте кошки чувствовали бы себя счастливыми, и у них имелась бы крыша над головой.

Порой Рогнеда сама себя ощущала никому не нужной кошкой, живущей на улице. Хотя у нее был молодой человек, которого она любила, и у нее была крыша над головой.

Она думала, что ей делать с тем, что внезапно обрушилось на нее. Как правильно распорядиться тем, чего не приобрела, что досталось ей даром. Рогнеда была больна, и если бы у нее спросили, что она чувствует, она могла бы сказать: «Такое ощущение, будто в меня выстрелили, а я упала, выжила и живу». Всего за неделю девушка потеряла два с половиной килограмма из-за переживаний. Несмотря на это, она ходила на работу и училась после работы, чтобы прокормить себя, обеспечить стабильность в будущем и не просить денег у своего мужчины.

С раннего детства она привыкла полагаться на себя.

Старик дважды вызывал ее на допрос и задавал ей самые различные вопросы, например: чувствует ли она, что что-то украла? Во сколько лет она перестала верить в Бога? Преследует ли ее кто-то на улице и ощущала ли она порой свою лучшую подругу матерью?

* * *

Персонаж первый. Старик

Дору убили, взяв семь тысяч американских долларов – ее сбережения – и горстку украшений из золота. Что, если бы ей однажды сказали, что ее жизнь может стоить семь тысяч долларов плюс несколько украшений из деревянной шкатулки, спрятанной в гардеробной за коробкой с нитками? Поменяла бы она что-то в своем существовании, почувствовала бы приближение бродившего тенью за ней несчастья? А убийца, если бы ему однажды сказали, что он нанесет несколько ударов ножом в живот живому человеку, молодой замужней женщине, не имеющей детей, лишь бы забрать у нее то, что представляло для него ценность? Эти и другие вопросы мучили супруга убитой, и он поделился мыслями со своим собеседником: низкорослым седоволосым стариком, расследовавшим это дело. Несмотря на свои годы, несмотря на болезненную худобу, тот был крепким, физически сильным и регулярно подтягивался на перекладине – пять-семь раз до подбородка, колол дрова, ухаживал за своим домом, садом и был мастером на все руки. В свободное время Старик всегда думал, чем бы себя занять, он не любил сидеть без дела.

– Я вижу, понимаю, но не могу доказать, – тихо сказал Старик и закрыл глаза.

Он был немногословен, говорил зачастую кратко, но по существу, и в любой непонятной ситуации предпочитал молчать, нежели делиться с кем-то своими догадками или умозаключениями. Сейчас Старик жевал мятную конфету, и, если стоять с ним совсем рядом, то можно было уловить приятный и мягкий мятный аромат.

– Еще мне не дает покоя мысль, как живется убийце. Как ему будет житься дальше. Я много думал… – говорил его собеседник.

«Ох, если бы он хоть на минуту заткнулся. До чего же болит голова, даже пострадать в тишине не могу», – пронеслось в мыслях у Старика. Он ничего не ответил. Не сказать, что он совсем не слышал собеседника – если бы его попросили повторить сказанное, он бы спокойно мог это сделать. Но вероятнее всего, вместо этого посмотрел бы с недоумением, и в этом взгляде читалось бы: «Ты кто? Долго здесь сидишь? Я думал, кроме меня в этой комнате никого нет… как странно, ну и ладно». Не сказать, что ему было чуждо человеческое горе, скорее оно было ему привычно. Порой головные боли тревожили его сильнее чужого горя, и сегодня был один из тех самых случаев. Ему не хотелось общаться со своим собеседником, тот не говорил ничего нового, Старик не мог вынести для себя из его слов никакой ценной информации. Он просто находился рядом.

Мужчина с волосами цвета луны, серебра – некогда его волосы были каштановыми, он носил длинную шевелюру в свои двадцать семь, когда впервые женился – смотрел перед собой задумчивым взглядом. На самом деле это был взгляд смирения и усталости – он терпел головную боль и не хотел показывать этого. И когда его собеседник наконец закончил свою речь, Старик сказал:

– Я подумаю, а сейчас мне нужно уходить.

Муж убитой молча встал со своего места и вместе со Стариком направился к выходу из кабинета. Он не стал перечить пожилому мужчине, расследовавшему это дело, не стал навязываться со своими разговорами. Ему подумалось, что Старик не хочет его слушать, и этого было достаточно, чтобы закрыть рот и думать про себя.

* * *

Старик жил в небольшом двухэтажном доме – с соседями, так как дом был разделен на две части. Давным-давно, когда ему было всего несколько лет, его отец, прошедший войну и вернувшийся из Берлина живым в звании старшего лейтенанта, взял денег у своего знакомого на строительство дома, пообещав, что по окончании работ отдаст ему половину дома, а в другой половине будет жить со своей семьей – у отца было двое мелких мальчишек и жена-учительница.

Отец давно умер, мать умерла еще раньше, и Старик жил в этом доме вместе со своей женой. Женщина с густыми, длинными темными волосами была младше своего супруга на восемь лет, работала в местной аптеке и получала пенсию. Нехватка денег вынуждала ее работать изо дня в день, она жаловалась Старику, что устала. Ее мечта накопить на маленькую квартирку, чтобы сдавать и жить на деньги арендаторов, казалась Старику несбыточной фантазией. Он мог слушать об этом, но никогда не относился к словам жены серьезно. Его устраивала та жизнь, которую он выбрал, и ничего менять он не хотел, Старик, можно сказать, болезненно относился к переменам. Чего совсем не скажешь о его жене, которая была рада любой перемене в жизни, как глотку свежего воздуха – будь то поездка за город, на дачу, будь то путешествие на старый рынок через весь город или запланированная встреча с дочерью у нее дома. Она любя называла мужа старым дубом, пустившим корни у себя во дворе. А он называл ее ласково «ласточка-фантазерка».

Мужчина выпил таблетку от головной боли, и когда она подействовала, вышел на балкон, встал возле горшков с цветами, за которыми каждый день ухаживала жена, – осторожно, чтобы их не задеть. Посмотрел на пустую собачью будку – еще год назад был жив его пожилой приятель, рыжий дворовый пес, родившийся лет девятнадцать назад от суки, которую однажды приволок из школы его младший сын.

«Хороша была сука, – подумал про себя Старик. – Еще злее Барса. Пришлось ее усыпить, спи спокойно, мать. А Барс был уже ветераном».

Пес умер своей смертью – сначала что-то отхаркивал и не мог выхаркать, затем перестал есть, почти все время лежал в своей будке. Хотя еще несколько лет назад носился по всей улице, распугивая прохожих и бросаясь на соседских псов, обозленно гавкая каждому в ворота. Так же бесстрашно он прогонял

бродячих собак с улицы – редких залетных пассажиров. В общем-то, службу свою он нес отменно, грех было жаловаться на верного бойца. Старик долго горевал втайне, он не плакал, не говорил о случившемся ни с кем, даже жене не признавался в своей боли. Хотя жена частенько шмыгала носом в его присутствии и вытирала слезы, текущие из глаз, поглядывая в окно на пустое убежище, в котором не было старого доброго бойца, заслуженного и полноценного члена их семьи. Она выпускала свое горе наружу, Старик же держал его при себе.

«Все мы там будем», – подумал про себя Старик, плюнул с балкона вниз туда, где цвели тюльпаны, посаженные женой у яблони, и вернулся обратно в свою спальню.

Они с женой жили на втором этаже дома, каждый из них занимал отдельную комнату – они спали раздельно уже много лет. Каждый день – и холодной зимой, и утомительно душным летом – Старик поднимался к себе по старой скрипучей лестнице. Тихо спускался с утра, чтобы не разбудить жену скрипом, – слышимость была хорошая, а он первым уезжал на работу. Когда летом стояла невыносимая жара, его жена спускалась на первый этаж и спала в комнате сына, который давно покинул родительский дом, женился, купил себе квартиру. Многие его вещи остались в этой маленькой комнатке на первом этаже – мать постоянно перекладывала их с места на место под предлогом уборки. Благодаря любящей женщине здесь всегда было чисто – ей было важно хоть иногда трогать вещи сына. Старик оставался в жару там же, под крышей, открыв двери, ведущие на балкон. Он предпочитал терпеть жару, кормить голодных, надоедливых комаров и никому ни на что не жаловаться. Он сам себя порой ассоциировал с побитым, зубастым псом, способным выжить любой ценой в любой ситуации.

Когда Старик прилег отдохнуть, он вспомнил, как в детстве чуть не утонул, увязавшись незаметным хвостиком за старшеклассниками, которые ходили купаться к местному большому озеру, а его с собой не хотели брать – он был слишком мелким, неинтересным, и никто не желал за ним следить. Вспомнил, как выбирался из воды, как попал на глубину и чуть было не пошел ко дну, как захлебывался, как боролся за свою жизнь, не умея плавать. Как в конечном итоге одержал победу над смертью и выжил. Ему тогда было всего шесть лет. Он никогда не рассказывал об этой истории родителям, потому что те могли не только отругать, но и хорошенько пройтись розгами или даже грубым толстым ремнем по седалищному нерву.

Старик вспоминал и о том, как несколько лет назад залез на лестницу с бензопилой в руках, чтобы спилить часть яблони во дворе, а в конечном итоге свалился со стремянки. И чуть не лишился части тела, да что там – чуть не лишился жизни, но чудом уцелел, и все обошлось без единой царапины. Как будто ангел его уберег, хотя Старик не верил ни в ангелов, ни в демонов. Для чего-то же его бережет жизнь. Он часто задумывался о том, для чего именно. Несколько лет назад Старик все-таки внес небольшое разнообразие в свое существование, у него появилось тайное увлечение, которое он держал в строгом секрете от всех, кроме жены. Его жена – больше чем друг, это уже боевой товарищ. «Ласточка-мечтатель», которой можно доверить свою тайну.

У Старика было два сына. Младший сын (от его теперешней жены) уехал от них и начал строить свою жизнь самостоятельно. Старший сын Старика от первого брака жил в другой стране, и мужчина не видел его уже больше двадцати лет. Так порой бывает, мог бы однажды сказать Старик: жены бегут далеко вместе со своими детьми. Бегут к кому-то. От кого-то. Зачем-то. Старый побитый двуногий не понимал, простил ли он окончательно свою первую жену за ее побег от него вместе с ребенком или до сих пор держит обиду за то, что предала его, оставила одного, уехала от него к другому мужчине в чужую страну. В любом случае это горюшко не болело, не пекло – оно никуда не исчезло со временем, но и не тревожило, не доставляло особого дискомфорта уже многие годы. Оставались лишь вопросы, ответов на которые Старик не получил и уже вряд ли получит – на эти вопросы уже больше трех десятков лет мужчина отвечал себе сам.

С каждым годом его ответы менялись.

* * *

Персонаж второй. Дора

До того, как Дору убили, до того, как на землю, в которой она была погребена, положили столько цветов и жалости, сколько не дарили ей за все последние годы жизни, Дора имела пристрастие говорить почти все, что думает, и в глаза, и за спиной, в зависимости от того, с кем и о ком говорила. В отличие от Старика, расследующего дело о ее убийстве, который обдумывал каждое

произнесенное слово несколько раз, мысленно взвешивая его, осторожно выпуская из губ на волю, перед этим еще прикидывая – к месту оно будет сказано или лучше промолчать, Дора выпускала слова легко, не думая – к месту ли они сказаны, несут ли пользу или вред, могут ли ранить человека или, наоборот, обнять его, сделать ему приятное или даже утешить. Она почти никогда не фильтровала сказанное – возможно, поэтому в ее жизни было не так уж много людей, которым было по-настоящему интересно то, что она говорила.

Дора была красива. Небольшой нос с горбинкой придавал ей дополнительное очарование. Нос, сломанный еще в детстве, когда за школой две девчонки-старшеклассницы крушили палки об ее голову. Она тогда никому не пожаловалась, не позволила себе заплакать в их присутствии, проявив таким образом слабость, как она считала, а лишь смотрела со злостью и презрением на своих обидчиц. Те были старше ее на несколько лет, между ними и ею была пропасть в плане взаимопонимания. Девчонка получала удары снова и снова, закрывая лицо ладонями, – эту историю Дора любила вспоминать, как историю о девочке-героине, которую не нагнули, не выбили из нее извинений силой. Она не пролила ни единой слезинки из-за них, хотя ей сломали нос и разбили голову. Она терпела и гордилась собой.

* * *

Пшеничные прямые волосы, серо-голубые глаза, выразительные, глубокие, загадочные – так казалось многим, кто смотрел на нее, кому она нравилась. Средний рост. В компании высоких мужчин она чувствовала себя малышкой и до встречи со своим мужем выбирала исключительно высоких, стройных мужчин. До встречи с Вакулой она не уставала повторять, что мужчины ее любили, тратили большие деньги на нее, относились к ней бережно, что готовы были терпеть многое из того, что она позволяла себе делать в их присутствии, потому что боялись ее потерять.

Дора жила целых четыре года со своим первым и единственным мужем. Целых, потому что четыре года казались ей вечностью, бесконечностью, тягостью. Последние два года перед смертью она жила отдельно в собственной квартире, лишь изредка они встречались – и чаще всего это происходило по двум причинам: когда одному из них нужна была помощь – материальная, моральная, физическая, или когда они очень хотели трахаться. Тогда ее муж приезжал к ней, снимал с нее всю одежду и без лишних прелюдий трахал ее до победного

конца.

Не сказать, что ей нравились эти отношения, но что-то поменять в своей жизни не находили смелости ни она, ни он. Однажды она пыталась сбежать от него, уехав на несколько недель из города к своей давней подруге в гости, спустя время муж отыскал ее и вернул. Так же пытался однажды сбежать от нее и он – за четыреста километров, поехав к своему родному дядьке, которого не видел много лет. Узнав от его родственников, где Вакула, Дора через какое-то время приехала на поезде за ним. Эти отношения каждый из них мог назвать глубоко разрушительными, но ни одному не хватало сил остановиться и, не оглядываясь назад, пойти другой дорогой, новой, которая страшила своей неизвестностью. Пойти.

Их отношения в последние годы можно было назвать потребительскими с обеих сторон, ну или взаимовыгодными, партнерскими, хотя молодой человек это всячески отрицал, ухватившись обеими руками за трупик былой любви. Сказать, что Вакула носил в себе мысль, что любит свою жену так же пламенно, как любил ее при знакомстве, было бы ложью. Он почти никогда не думал об этом, но внутри поселилось ощущение, что жена – его родственник. Однако, если периодически возникает желание заняться с ней сексом, наполнив ее своей спермой, – значит, чувства еще есть. Дора же порой ненавидела его настолько, что готова была просить, чтобы он приехал, побыл с ней или вошел в нее и побыл в ней, чтобы после найти в очередной раз причину поругаться, высказать в лицо все, что она о нем думает, и ненавидеть еще сильнее.

Дора в последние годы терпеть не могла своего мужа и оттого порой говорила ему, что любит его. Что хочет его, его тело, хочет видеть его чужие глаза в моменты наслаждения и моменты боли. Ее презрение к нему как к мужчине было настолько велико, что порой она звонила и говорила ему очень непривычные для его слуха вещи, например: «Я общаюсь с твоим другом и не нахожу в нем собеседника, такое чувство, что когда вы с ним дружили, вся наполненность была от тебя». Или: «Я хочу ребенка. Давай сделаем ребенка».

Вакула никогда не понимал любви Доры, а Дора никогда ее не растолковывала. Если бы она хоть раз попыталась объяснить ему свои чувства, возможно, это прозвучало бы так: «Моя любовь многогранна. Она доставляет мне и наслаждение, и боль. Я желаю тебя, желающего меня, зная, какие мерзкие, отвратительные вещи ты делал. Я прошу тебя обнимать и целовать меня, несмотря на то, что не смогу тебя простить, – но мне порой очень нужны твои

объятия или поцелуй. А иногда просто присутствие рядом».

Дора была заложницей общественного мнения, хотя всегда отрицала это. Более того, она всегда пыталась показать, как ей плевать на то, что о ней подумают окружающие, вступая в бесчисленные споры по делу или по пустякам, одеваясь броско, смело, даже дерзко и экстремально, в собственном стиле – ей было важно, чтобы ее замечали, обращали внимание, чтобы о ней говорили, чтобы ее обсуждали.

Никто не знал, что эта девчонка за своей улыбкой, за сарказмом и колкостью прячет тотальное одиночество, нехватку любви матери (которая, по ее ощущениям, любила больше ее сестру), нелюбовь мужа, непринятие мужа, жалость к себе, гибель отца, подлость сестры… Всю ту боль, которая настолько велика, что не она ее носит в себе изо дня в день, а боль носит Дору в себе, потому что женщина – пятно по сравнению с величиной этой му?ки. А признаться во всем этом она боялась порой даже самой себе. Она предпочитала пускать пыль в глаза своему окружению: что она счастливая жена, счастливый человек, сильная, несгибаемая личность, которая все стерпит и вынесет. Девушка подходила к зеркалу и подбадривала себя иногда: все хорошо, и не такое проходила. Переживем.

Эта маска была настолько приятна, будто внутрь позабивали гвозди – острыми концами к лицу. Эта ложь насиловала Дору больнее, чем ее насиловал собственный муж в те моменты, когда хотел ее, а она позволяла себя брать. Она говорила ему, что любит нежность, ласку, поцелуи, а он брал ее грубо и не считался с ее желаниями, ему важно было получить удовольствие самому и отодвинуть ее. Она сначала терпела, воспринимая его животную дикость как насилие, и до того дотерпелась, что ей стало казаться, будто она даже наслаждается этим.

Доре нравилось фантазировать, что однажды она уедет в другую страну, начнет новую жизнь, выйдет замуж второй раз за богатого, красивого мужчину, которого она не будет любить, но который будет любить ее. И с довольной ухмылкой Дора будет оглядываться на тех, кого оставила позади. Бывший муж никого лучше ее не найдет, его жизнь будет кончена без нее. Мать, наконец, поймет, что недодала ей любви, когда Дора упорхнет от нее – и больше никогда не скажет ни слова. Сестра просто будет молча завидовать, вспоминая о сделанных гадостях с сожалением, пытаясь виновато сбросить с себя старые,

тесные обноски былых недостойных поступков по отношению к ней. А когда сестре вдруг понадобится серьезная срочная помощь, то она всячески будет искать возможность связаться с ней. Дора забудет старые обиды и, конечно, поможет, несмотря на то, что ей в помощи в свое время отказывали. Доре казалось, что вот эта будущая неожиданная помощь своей младшей сестре перерастет в нечто большее со временем. В то, чего между ними никогда не было, но чего она в глубине души очень желала, не признаваясь никому.

Она верила в то, что у всех этих людей изменится жизнь без нее.

* * *

Персонаж третий. Вакула

Муж Доры. Тихоня, целеустремленный тихоня. Бросил институт на первом курсе из-за отсутствия интереса к праву, одногруппникам, преподавателям. Все, что он видел и слышал в стенах института, ему казалось невыносимой и немыслимой скукой, вгоняющей в паршивое состояние – состояние полного уныния, апатии. В то время, как многие юноши еще жили со своими родителями, Вакула уже жил с любовницей. Так он называл женщину, с которой спал, арендуя квартиру на деньги, которые заработал сам, трудясь посредником между рекламодателем и владельцем ресурса, реклама на котором была бы интересна потенциальному клиенту. Почти все, за что брался мужчина – если это не было навязано ему кем-то, – он доводил до конца. Этим качеством потом всегда восхищалась Дора, удивляясь, как ему удается осуществлять свои проекты, порой рискованные и трудные.

Он быстро разобрался в той сфере, которую выбрал для себя сам, и познавать рекламу, создавая свой собственный продукт, было ему куда интереснее, чем познавать юриспруденцию. И что самое главное – это занятие приносило ему деньги. Уже после школы он почувствовал вкус денег, заработанных собственным трудом, и с тех самых пор к деньгам у него было хорошее, дружеское отношение. Когда они у него были, он чувствовал себя спокойно.

Самостоятельно выучил несколько языков. Занимался спортом. У мужчины всегда была тяга к самообразованию. Любовница спустя время ушла от него и вышла замуж за другого. Она много раз намекала своему молодому любовнику, что хочет вступить в брак и родить ребенка, даже имя ему подобрала, Вакула лишь кивал головой, не воспринимая ее всерьез – она была старше его почти на десять лет. После ее ухода и, как ему показалось, предательства он погрузился в себя, создал новый проект, принесший ему спустя несколько лет хорошие деньги и знакомство с будущей женой Дорой.

Между ними вспыхнула искра сразу – он выделил ее из толпы, она заметила его. Все произошло очень быстро: первый поцелуй, первый секс, первая ссора и женитьба. Дора мгновенно увидела в нем своего мужа, говорила, что не нужно никакого времени, если сразу все понятно. Вакула увидел в Доре свою жену. Каждый из них находил в другом родственную душу, каждый понимал, что они схожи, но ни один не догадывался, в чем именно. Она – женщина-скандал, провокация, но за всем этим скрывалась необычайная женская нежность, ранимость, поддержка в трудную минуту. Он – тихоня, вспыльчивый, как и она, только более терпеливый, взрывался не сразу, а лишь со временем, накопив достаточно поводов, но чаще проявлял спокойствие, рассудительность, приводил разумные аргументы. Полная сексуальная несовместимость – мужская грубость, животный эгоизм, – однако поддержка в трудную минуту.

Дорины близкие его терпеть не могли, только ее матери он полюбился сразу. Они нашли общий язык с первых минут знакомства. Дора говорила всем вокруг, что по-настоящему полюбила мужчину впервые в своей жизни. Для нее выйти замуж – это не просто кольцо на палец надеть (ухажеров у нее было много), это признание в любви. А он в это время чувствовал себя экспонатом, которым хвалятся. И те, кому его показывали и перед кем хвалились, не разделяли восторга и восхищения дорогого для них человека. Они все искали в нем подвох – и, разумеется, нашли его. Спустя несколько месяцев после женитьбы Дора обвинила мужа в нелюбви, рассказала об этом во всеуслышание, и все, наконец, вздохнули с облегчением: «Мы так и знали. Мы сразу поняли это, как только увидели его. Какой-то он мутный, немногословный, подозрительный». Мужчине не нравилось, что Дора рассказывала все, что у них происходило в жизни, своим подругам, своему окружению. Он считал виноватым не окружение, которое его возненавидело, а Дору, которая дала к этому повод своим счастьем и своим горем.

Со временем Вакула понял, что живет в каком-то подобии нескончаемого ада: чем лучше он относился к своей жене, тем хуже она позволяла себе относиться к нему. И наоборот: чем лучше она к нему относилась, тем больше в нем пробуждалось злобы по отношению к ней. Многие годы они кипели в этом котле – все, окружавшие его супругу, становились судьями их поступков и всегда оправдывали ее. Однажды, во время очередного скандала, Вакула поднял руку на свою женщину. Он ударил Дору в живот, а она, недолго думая, поставила кипятиться воду. После этого принесла чайник в комнату, где находился ее муж, и вылила содержимое на него. Вакула выбил у нее из рук этот чайник и заорал так, что, кажется, слышал весь этаж. Он четыре часа просидел в ванной, в ледяной воде, запершись на засов. Он кричал, хрипел, периодически терял сознание. Спустя несколько дней они помирились, и она заботливо натирала мазью лопнувшие волдыри. И тогда он понял, что либо однажды выбросит ее в окно и сядет в тюрьму, либо научится жить без нее так, будто она и все, что между ними произошло, – страшный сон, который нужно поскорее забыть. Он выбрал второе и ушел из дома.

Спустя несколько лет раздельной жизни они стали неким подобием друзей, а их отношения – карикатурой на дружбу. У каждого из них осталась целая шляпа дерьма, обид друг на друга, но эта шляпа была удобна, красива, и ее не хотелось выкидывать. Он интересовался, как у Доры дела, помогал ей с ее проблемами, периодически трахал ее и уезжал к себе. Ему казалось, что такие отношения – это норма, он привык к ним со временем. Ему думалось даже, что все примерно так и живут. Так же считала и Дора, потому они и не разводились: «Зачем мне другое дерьмо, если это хоть знакомое и понятное? А еще оно порой перерождается в чайную розу с медовым запахом и способно меня обнять и помочь решить проблему».

Вакула со временем завел любовницу, а затем вторую и третью. Дора сама ему однажды сказала: «Трахайся с кем хочешь, только мне мозги не еби». Он попробовал так и сделать – эти связи не перерастали в полноценные отношения, это был секс, это было увлечение, это было что-то новое и вкусное. Мужчине понравилось разнообразие в сексуальном плане, и его устраивало наслаждаться разными женщинами, не только одной. Дора долгое время ревновала, тая обиду и злобу в себе, это было несправедливо, как она считала. Ведь она ни с кем не спит, ведь она не способна на предательство. Пусть Дора на словах и была не против измен мужа – в глубине души она не принимала их. Терзалась: «Ты – мой. Я не хочу тебя ни с кем делить. Ты – чудовище, и ты – мое чудовище». Она даже боялась подумать, что с какой-то женщиной ее муж может быть счастливым, и когда поняла, что связи с любовницами не перерастают ни во что серьезное, то

приняла это и немного успокоилась. «Все равно ты ко мне вернешься рано или поздно, а я подумаю, стоит ли тебя принимать или нет».

Вакула совершенно не понимал свою жену. Ее чувства были противоречивыми.

* * *

Когда головная боль Старика поутихла, он решил действовать, и действовать незамедлительно. Он собрал всех людей, которые, по его мнению, были замешаны в убийстве Доры, в загородном доме своего приятеля, который уехал в другую страну, доверив дом Старику на период своего отсутствия. Мужчина заранее предупредил своих гостей, что, возможно, понадобится целая ночь, чтобы раскрыть тайну этого убийства. Он добавил, что это очень важно для всех, кого он пригласил, и отказаться приехать к нему значило бы пройти равнодушно мимо правды об убийстве Доры.

– Я знаю, кто из вас убийца, – сказал Старик ровным и спокойным голосом, поглядев в глаза каждому из собравшихся в просторной гостиной загородного дома его приятеля.

Ни на ком из трех присутствовавших взгляд седоволосого мужчины не задержался дольше, чем на остальных. Убийца выдал себя сразу, и Старик это заметил – тот дрожал, как мышь, учуявшая запах приближающейся опасности, способной ее сожрать и проглотить, не пережевывая. Но Старик заметил также, что убийца готовится сказать свое слово.

– Кто убил Дору? – вопросительно посмотрел в глаза Старика Рувим.

* * *

Персонаж четвертый. Рувим

Любовник Доры. Он был старше ее на три года, женщина втюрилась в него сразу – он казался ей идеальным мужчиной. Большим, мужественным. Несмотря на то,

что всем своим видом он демонстрировал твердость, резкость, готовность к действию, после секса с Рувимом Дора буквально сразу же поняла, что он за человек на самом деле, и что его резкость, дерзость, решительность – это одна из созданных им версий себя, чтобы понравиться женщине, а для нее самой – лишь песок, брошенный в лицо, чтобы ослепить надолго. Он раскрылся наедине с ней совершенно иным человеком, не тем, кого она изначально встретила в баре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/luchshe-byt-tvar-yu-chem-rabom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити